

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

**ТАЙНА
ГЕНЕРАЛА
КАППЕЛЯ**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *И. Варавина*

Романов, Герман Иванович.

Р69 Тайна генерала Каппеля / Герман Романов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-04-100625-9

Январь 1920 года. Отступающие под ударами Красной Армии колчаковцы оставляют за собой тысячи больных и умирающих, тиф косит страшнее красных пулеметов. Вчерашние союзники-чехи заполонили своими эшелонами всю линию Транссиба и сорвали эвакуацию из Омска. Но остатки белого воинства рвутся к Иркутску — ведь там арестованный Политцентром Верховный правитель адмирал Колчак и три десятка вагонов золота. Это последняя надежда белых переломить несчастливый ход фактически проигранной Гражданской войны. Но и она тает как брошенный на раскаленную печь лед — под Нижнеудинском мучительно умирает главнокомандующий генерал Каппель. Спасти его может только чудо... Или помощь ученых из будущего, которые решили провести некий эксперимент...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100625-9

© Романов Г., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ПРОЛОГ

Иркутск

18 мая 2018 года

— Мой аппарат тебя погубит! Хм... Вроде где-то я слышал эту фразу? Е-мое, точно слышал...

— Мой аппарат меня прославит! Вот так сказал небезызвестный Шурик в комедии Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». А погубит... Ты знаешь, смерть сама по себе не так страшна! Она страшна для родных — а у меня таких нет, — седой мужчина с обезображенным ожогами и шрамами лицом пожал плечами. Вот только очень неприятно было бы постороннему человеку смотреть, как чуть колыхнулись короткие, под локоть, обрубки. Вот какая вышла беда — сапер ведь ошибается один раз, а если и остается в живых случайно, то полным инвалидом — а кому такая обуза дома нужна? Времена декабристок давно канули в Лету, нынешний слабый пол давно перестал таковым быть. Женщины — создания прагматичные, и если бюджет не сходится, а моральные расходы превышают материальные доходы, то проблема решается кардинально, враз и без всяких сантиментов.

— Смотрел раза три этот фильм, прикольно!

— Какие у тебя слова, а еще ученый...

— Ага, ученый — господин копченый! Я человек в первую очередь, и ничто присущее хомо сапиенсу мне не чуждо! Напротив, мон шер ами, что-то люди не заметили, чтобы науку вперед двигали примерные семьянины, не имеющие вредных привычек и характеризующиеся начальством исключительно положительно! Да оные господа элементарный приемник не соберут, ибо гореть на работе не могут и мозги напрягать не в состоянии. Нет у них их в достатке, зато языки длинные и стучат, как дятлы. А наука... Они лишь присматриваются, к кому бы примазаться и толику славы, желательно переведенную в денежный эквивалент с достаточным количеством окружностей в конце строки ведомости, урвать!

Второй мужчина выглядел старше, хотя по возрасту в сыновья годился. Вот только неряшливая одежда, потертый, если не потасканный, вид, неухоженная профессорская бородка «клинышком», старомодные очки — все это в совокупности старило его на добрых два десятка лет. Вот только кому укорять холостяка — настоящие ученые всегда с причудами, которые обыватели придурью считают. Толковые специалисты по физике магнитных явлений — редкость несусветная на фоне офисного планктона, разных менеджеров или штукатуров. Молод профессор — сорока еще нет, но уже мастит. С такими администрация считается и в уже нынешние времена не разбрасывается, как в приснопамятные «лихие девяностые», когда из страны произошла колоссальная «утечка мозгов». Тем более благодаря его лаборатории НИИ два гранта получил — один на сотню миллионов, а другой вроде скромнее, всего на три, но не в российском, а в общеевропейском денежном варианте. Весомо? Еще как! Руководители всегда забывают о своих приказах, если они мешают делать деньги и славу, — так пусть этот физик пьет и курит на работе, хоть аспирантку на свой

аппарат укладывает, лишь бы тот работал день и ночь. Раз вредные наклонности помогают в творчестве, которое приносит ощутимый доход, то они уже таковыми не являются. Но, опять же, сугубо в виде исключения из правил, для одного индивидуума. Ибо еще древние римляне весьма резонно отмечали, что Юпитеру дозволено многое. В отличие от обычного быка, с которого взять молока нельзя, одно лишь мясо и шкуру.

— Наука не терпит ума без амбиций и глупость с амбициями, — профессор хмыкнул и выразился совсем непечатно, предварительно отхлебнув из стакана весьма дорогого армянского коньяка «Ной». А вот курил «пролетарские» папиросы, причем «Беломорканал» — то ли причуда, то ли привычка, что второй натурой является.

— Ну ты и заворачиваешь, Андреич, прям уши вянут!

— От тебя, товарищ майор, научился! Знаешь, как в том анекдоте, когда горячий паяльник за воротник засунули? Если мне «железа» на «лям» нерадивый аспирант спалил, я ему должен с реверансами сказать — «извините, но вы включили режим, не соответствующий техническим параметрам загрузки действующего контура»?! Но это так, преамбула, меня другое беспокоит!

— И что же, извольте поинтересоваться? Только и мне стаканчик сей живительной влаги влейте, а то я не собачка, чтобы в присутствии научного светила из блюдца лакать. А через соломинку надоело, то еще удовольствие, будто через задницу садовый аромат вдыхать!

Профессор щедро плеснул коньяка и аккуратно поднес к губам старого друга, от первого дня своего рождения. Затем закурил папиросу и сунул тому в «держак» — теперь отставной офицер мог курить самостоятельно.

— Я не медик, я физик — ничего не могу гарантировать. Но аппарат уже апробировали не только на мышах, на псине. Она «вернулась» и вроде нормальная, даже че-

ресчур поумнела — у меня порой ощущение возникает, что еще немного — и Шариков натуральный появится. Даже мистиком стал, когда понял, что душа есть энергетическая составляющая «ЭМ-поля». Знаешь, мне без тебя, дружище, скучно будет, но потерплю как-нибудь месячишко. Зато ты впечатлений отхватишь по самое не хочу.

— Мне терять нечего, ты это знаешь! А увидеть прошлое хочется, пусть и другими глазами. Но хотелось бы будущее...

— «Носитель» только в прошлом, привязку мы сделали, век назад, плюс-минус пара лет. Хреново то, что тамошнее время не самое лучшее, а наша аппаратура экспериментальная — половина на половину, стоит рискнуть.

— «Эффекта бабочки» не будет?

— Хренаси! История, по сути, огромное дерево — если ты сверху на нижний сук упадешь, то по нему и поползешь. И если отпилишь, то с ним и грохнешься. Но то одна малая веточка в сонмище! Есть такая штука — многая вариативность! И кто знает, что в «ЭМ-поле» творится... Тесла в него входил разумом, а я тобой...

— Перестань, мне самому интересно! Так, все — алкогольная доза принята приличная, давай работай, иначе здесь усну, а не в аппарате. Веди меня!

— Что не сделаешь для пытливого разума, дружище?! Ну, как говорят, на посошок, и поехали!

*Разъезд Утай под Тулунам
26 января 1920 года*

— Фланги держите крепко... фланги... Армии стянуть, кулаком ударить сильно...

В одиноком доме железнодорожного смотрителя в полной тишине негромко раздавались хриплые

слова, отражаясь эхом в покрытых ледяными узорами стеклах небольших окон. На узкой кровати, покрытой грязным домотканым покрывалом, сшитым из ветхих лоскутов материи, цвета которых уже давно пожухли, лежал человек. На изношенном кителе поблескивали потертой позолотой генеральские погоны, вот только не приказы он отдавал, а умирал в бреду — мучительно и долго.

Рядом с кроватью в полном молчании застыли трое военных, одетых столь разномастно, что более напоминали ополченцев, чем русских офицеров, и неотрывно смотрели на своего командующего. Его сухощавое тело, выдубленное тягостями и лишениями долгого зимнего похода через всю Сибирь, лицо с черными усами и бородкой, с обмороженными щеками и закрытыми глазами, вытянувшиеся руки, прежде крепко державшие и армию, и винтовку, сейчас поражали своей беспомощностью. На бесцветных губах умирающего генерала, одновременно с хриплыми стонами, изредка появлялись пузырившиеся при каждом выдохе капельки крови.

— В беспамятстве Владимир Оскарлович, а о нас думает, — стоявший вблизи офицер в покрытом разводами копоты от долгих ночевок у костра, когда-то беленом полушубке судорожно вздохнул, сдерживая подступившее к горлу рыдание. И отвернулся от кровати, утирая грязной ладонью повлажневшие глаза, красные от хронического недосыпания и многодневной нечеловеческой усталости.

Двое других переглянулись, их губы чуть заметно подрагивали. Трудно представить, что, пройдя долгие шесть лет войны, от мировой бойни, где под снарядами и пулями, в клубах удушливых газов, погибали ежедневно тысячи людей, до нынешней гражданской

междоусобицы, с ее кровавой и безжалостной жестокостью, можно сохранить обычные человеческие эмоции. Но люди всегда остаются людьми, если в сердцах живут сильные чувства, такие как уважение, дружба или сострадание.

Ведь перед ними в полном беспамятстве и с громкими стонами умирал не просто обычный человек, а любимый генерал, имя которого уже давно стало легендой при жизни. Вызывая как безмерное восхищение, так и лютую, перемешанную с нескрываемым уважением ненависть, смотря по тому, кто к нему относился — белые или красные.

Генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель был еще молод, всего 38 лет, но с честью вынес на своих плечах тяжелейшее бремя, которое может пасть на плечи любого военного. Это у победы множество детей, что стремятся укрыться под сенью лавров, а поражение всегда сирота. И нет ничего горше, чем командовать остатками трех армий, когда-то рвавшихся к большевистской Москве, а сейчас еле бредущих по заснеженной тайге вот уже два месяца. Белые войска беспорядочно отступали от Новониколаевска, где они оставили застывшие в длинной черной ленте сотни эшелонов, вышедших из Омска, столицы колчаковской Сибири.

За окном раздалось усталое пыхтение паровоза, задребезжало стекло от громкого предупреждающего гудка, с шипением вырвался пар, и чуть заходил под ногами дощатый пол — один из трех чешских эшелонов, стоящих на перегоне, собрался в дорогу, стремясь как можно быстрее добраться до станции Тулун коротким зимним днем.

Лежащий на кровати генерал неожиданно ворохнулся, застонал, по телу прошлась судорога, он тяжело

задышал. Стоящие рядом с ним офицеры вздрогнули, когда после паузы Каппель, находясь в беспамятстве, негромко, но уже внятно произнес:

— Как я попался! Конец!

Офицеры разом тяжело вздохнули — две недели назад командующий промочил ноги, совершая переход по Кану. Коварная сибирская река имела наледи, по которым несла свои воды, вот в такие-то ловушки и угодили сотни людей, а при здешних лютых морозах это неминуемая смерть. И не столько от болезни или обморожения — оставляемых в редких деревеньках больных и уставших или просто потерявших веру людей красные партизаны без малейшей жалости забивали насмерть прикладами или колотушками, которыми осенью таежники сбивают с толстых кедров шишки, бухая по стволам могучих исполинов. А уж сдавшихся добровольно, как растерявшихся егерей на том же злосчастном Кане, зачастую ожидала горшая участь — их живьем спускали под лед в прорубях. Ведь и без того грубые нравы местных жителей ожесточились от долгой войны и разорения хозяйств, на беспомощных и несчастных просто срывали накопившуюся годами злобу.

Потому обессиленных или заболевших солдат и офицеров, укрыв дерюгами и мешковиной, старались по возможности везти на санях, даже тех, у кого был сыпной тиф, что буквально выкашивал поредевшие полки страшнее пулеметов. Повезли и генерала, когда пять дней тому назад он слег, не в силах подняться в седло подведенной лошади. На ночевке Владимира Оскаровича осмотрел случайно оказавшийся в колонне беженцев врач. И тут выяснилось, что у генерала Каппеля, в дополнение к сильнейшей простуде, на обмороженной ноге пальцы тронуты гангреной. Инструментов и лекарств

никаких не имелось, ампутацию произвели обычным ножом. Поднялась температура, командующий стал терять сознание все чаще, а потому три дня назад передал командование генерал-майору Войцеховскому.

Чехи из стоявших в Нижнеудинске эшелонов, уважавшие Капшеля еще с боев на Волге летом 1918 года, предложили поместить командующего в одном из своих вагонов, обещая, что большевикам его не выдадут. Даже согласились взять еще двух-трех офицеров для сопровождения больного, что было с их стороны немислимой добротой — обычно русских отгоняли от поездов, угрожая оружием. Но Владимир Оскарович категорически отказался от такой «чести», твердо ответил, что разделит участь с армией.

Вот и все — везли, везли и привезли — умирать. Сделать ничего нельзя, все усилия бессильны, срочно нужен врач. Вот за ним и отправился адъютант главнокомандующего и старый его друг полковник Василий Осипович Вырыпаев к ближайшему чешскому эшелону, с последней надеждой получить помощь от «заклятых друзей».

Дверь в домик со скрипом распахнулась, впустив в клубы белого морозного воздуха двух пришедших. Один был русским офицером в потертом донельзя полушубке, второй, судя по всему, являлся военным врачом — в теплом пальто с меховым воротником, солидной шапке с оторочкой, с узнаваемым медицинским саквояжем в руке.

— Доктор Карл Данец из румынской батареи имени Марашети, она прицеплена к составу.

Вырыпаев произнес слова с некоторым оживлением, а офицеры облегченно вздохнули — просить чехов не пришлось, слишком это унижительно, а вот румыны совсем другое дело, и нет за ними такого дурного шлейфа дел, как за славянскими «братушками».

Врач, даже не скинув с плеч пальто, извлек из саквояжа трубку с большим раструбом и, распахнув китель, прижал ее к груди генерала. Напряженно вслушался, несколько раз менял точки приложения и спустя минуту выпрямился с хмурым лицом.

— Мы имеем один патрон в пулемете против наступающего батальона. Что мы можем сделать?

На короткое время воцарилась мертвая тишина, было слышно лишь хрипящее дыхание Каппеля. И врач тихо добавил:

— Он умрет через несколько часов...

Офицеры тяжело вздохнули, словно легкий ветерок прошелся по комнате и задул едва теплившийся огонек надежды. Доктор развел руками и тихим голосом пояснил:

— У генерала двустороннее крупозное воспаление легких, одного уже нет, от второго осталась небольшая часть. Я понимаю, вам нужно ехать, колонна уже двинулась. Но прошу — дайте своему генералу умереть спокойно, он это заслужил.

Пауза затянулась, русские офицеры насупленно молчали. Отступавшие вдоль железной дороги белые торопились оторваться от наседавших на них от самого Красноярска большевиков и оторвались-таки, оставив тем на «съедение» хвостовые эшелоны интервентов. Не везти Каппеля, дать ему спокойно закончить свои земные дни здесь, на разъезде, означает потерю жизненно важного времени. Ведь колонна уйдет далеко вперед, а они отстанут. А повезти на санях дальше — бесцельно мучить несколько часов любимого генерала. Доктор понял их молчание и предложил:

— Наш эшелон тронется через полчаса, путь до Тулуна перед нашим эшелоном открыт, всего 17 верст

до станции, так что дойдем намного быстрее вас. Хотя дальше движения для нас нет...

Данец вздохнул не менее тяжело — белые на санях догонят поезд и уйдут вперед, а под Тайшетом уже идут бои. Чехи отходят на восток и предают не только русских, но и других союзников, ставя их эшелоны в арьергарде, на прикрытие отступающих частей корпуса.

— У меня теплушка-лазарет, там генерал побудет эти последние часы. Наш эшелон вас обгонит. На станции вы заберете тело генерала. Я могу взять одного из вас для сопровождения, больше нельзя, прошу извинить, но чехи не разрешат.

Гримаса на лице доброго доктора была настолько выразительной, что русские моментально поняли истинное отношение румына к союзникам. Вот только неприязнь приходилось тому глубоко прятать, чтоб от своего эшелона потомки гуситов валашские вагоны не отцепили. После короткой паузы Данец тихо произнес:

— У нас и гробы есть, чехи приготовили.

Офицеры переглянулись, на хмурых лицах появились кривые улыбки — «братушки» не просто ехали с комфортом, но и своих умерших хоронили по-человечески, в открытых могилах, с памятниками и крестами. На деревенских погостах, у церквей, а не бросали в пути, не складывали в штабели тифозных на станциях, не оставляли окоченелые трупы несчастных товарищей в тайге на съедение зверью.

— Я поеду с генералом, господа, — адъютант Вырышаев заговорил глухо, словно боялся, что громкий голос вырвет любимого генерала из спасительного беспомыслия. — Помогите перенести Владимира Оскаровича в эшелон, возьмите моего коня и наши сани, догоняйте колонну. В Тулуне мы встретимся. И пусть будет, что будет...

Часть первая

«КОГДА МЫ ОТСТУПАЕМ»

Глава первая

26 января 1920 года

*Нижнеудинск,
командующий 3-й армией
генерал-лейтенант Сахаров*

В предрассветных сумерках еле виднелись дымки из печных труб многочисленных вагонов доброй дюжины эшелонов, стоявших на заснеженной станции. Первыми в них были прицеплены пассажирские вагоны — в голове несколько классных зеленого цвета, третьеразрядных — все синие и желтые интервенты еще год назад отобрали у русских для своего высшего руководства, послов и дипломатов, привыкших к комфорту. А дальше шел длинный хвост из десятков обычных теплушек с надписями на бортах «8 лошадей, 40 человек» и открытых платформ, содержимое которых было заботливо укрыто от непогоды и порчи брезентом.

Половина дощатых вагонов выпускала приветливые дымки, но другие казались нелюдимыми, если не считать солдат, которые протянулись реденькой цепочкой охранения вдоль эшелонов. Рядом с поездом дымил на рельсах паровоз с надписью «PRAHA» на кустарно бронированном котле. Таким же листовым толстым железом были покрыты два вагона впереди и сзади паровоза. Бронепоезд, как еж иголками, оцетинился стволами бортовых пулеметов. И хищно вы-